

Показательный в этом отношении материал мы находим в обширной переписке Гёте с его иностранными корреспондентами, и в первую очередь с Карлейлем, самым активным в те годы в Англии переводчиком и пропагандистом немецкой литературы, прежде всего — творчества самого Гёте, для которого деятельность Карлейля как посредника между английской и немецкой литературами была конкретным выражением крепнущих интернациональных культурных взаимосвязей и тем самым — свидетельством приближения «эпохи мировой литературы». В письме к Карлейлю от 20 июля 1827 г. поэт отмечает: «Очевидно, что стремления лучших писателей и эстетиков всех стран уже давно направлены к общечеловеческому. Какое бы ни было особенное..., но сквозь национальное и личное непременно будет все более явственно проступать и просвечивать это общее... Поистине всеобщая терпимость будет достигнута лишь тогда, когда мы дадим возможность каждому отдельному человеку или целому народу сохранить свои особенности, с тем, однако, чтобы он помнил, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность всечеловеческому» (см. [7, с. 483]).

Как мы видим, Гёте отнюдь не растворяет национальное в интернациональном, эти категории находятся в его поздней эстетике в диалектическом соотношении друг с другом; вместе с тем поэт всегда умел за бесчисленным множеством национальных особенностей и различий увидеть то общечеловеческое ядро, которое составляло основу любой культуры и любой литературы.

Каким, однако, образом деятельность «каждого» может способствовать ускорению наступления «эпохи мировой литературы»? В высказываниях Гёте можно обнаружить разные ответы на этот вопрос. В беседе с Эккерманом поэт, кажется, предлагает сугубо «эстетический» путь: «Но и при... высоком признании иностранного мы не должны задерживаться на чем-либо особенно и считать его образцом. Не надо думать, что таким образом будет китайская литература, или сербская, или Кальдерон, или „Нибелунги“; потребность в высоких образцах все снова и снова приводит нас к античным грекам — именно в их произведениях воплощен прекрасный человек. Все остальное следует рассматривать лишь исторически, по мере возможности усваивая все то хорошее, что в нем заключается» [5, с. 348].

Перед нами специфически гётевская модификация имевшей широкое распространение в XVIII в. концепции «просвещенного человека», рассмотренная в аспекте учения Гёте о мировой литературе. Проблема мировой литературы замыкается у Гёте на проблеме человека, причем человека гуманного, просвещенного и — если использовать определение самого поэта — продуктивного. Такой человек выступает как субъект той «всеобщей мировой литературы», которая мыслится поэтом как «эпоха наивысшего синтеза и прогресса» [8, с. 17] и наступление которой — так же, как и осуществление своего идеала «прекрасного человека» — Гёте связывает с грядущими этапами духовно-исторической эволюции человечества. Именно принцип гуманизма является несомненной доминантой гётевской концепции и придает ей глубоко этическое звучание. Нетрудно, разумеется, обнаружить в высказываниях поэта утопические мотивы; важно, однако, отметить и другое: эта концепция, быть может, наиболее ярко характеризует то колоссальное значение, которое получает у Гёте идея человеческой личности как «меры всего сущего».

Если теперь взглянуть на приведенные суждения Гёте в плане типологии интернациональных литературных контактов, то можно будет выделить два уровня их опосредования: уровень взаимодействия национальных литератур и, так сказать, субъективно-индивидуальный уровень. Мировая литература, по мнению Гёте, творится не только путем взаимодействия различных национальных литератур; ее формирование зависит также от самого широкого и активного, можно даже сказать, тотального участия в этом процессе «каждого» индивидуума; иными словами, определяется